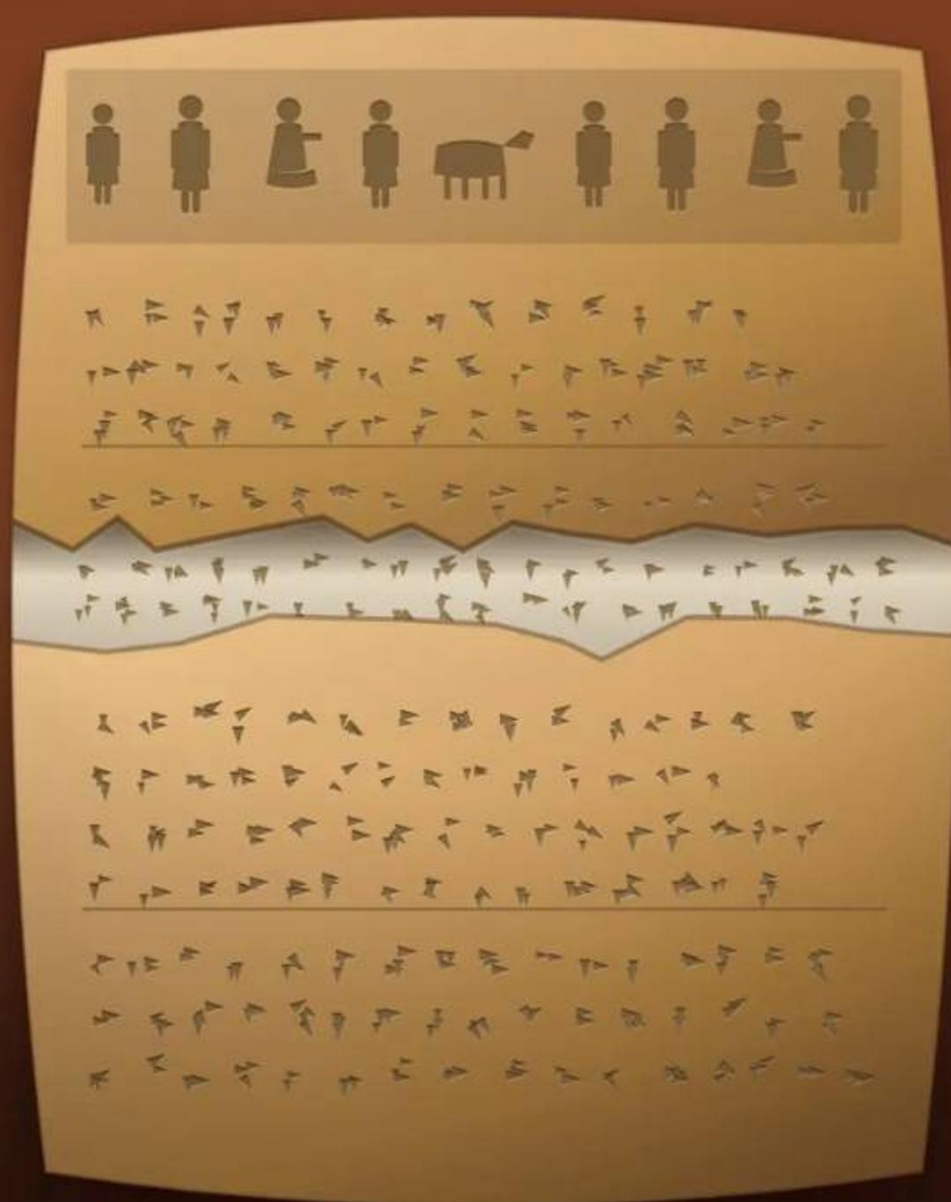

ГЕННАДИЙ КАЗАНЦЕВ

ЧУЖИМИ СЛОВАМИ

КАНЕШ, 1900 ГОД ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Геннадий Казанцев

Чужими словами

«Автор»

2026

Казанцев Г.

Чужими словами / Г. Казанцев — «Автор», 2026

Илья Ремизов четырнадцать лет переводил чужие переговоры и знал главное правило ремесла: переводчик — не сторона. В пятницу он не перевёл четыре слова, чтобы не сорвать поставку. В воскресенье поехал на раскоп под Кайсери, шагнул в шурф — и очнулся в том же месте на тридцать восемь веков раньше. Ассирийская торговая колония Канеш. Ослиные караваны, олово и серебро, глиняные таблички в запечатанных конвертах. Здесь говорят на пяти языках, и он не понимает ни одного. Здесь человек — это имя отца, город и печать на шнурке; у него нет ни того, ни другого, ни третьего. У него есть шестьдесят листов бумаги, одна шариковая ручка и профессия, которой в этом веке ещё не существует. Он выучит их языки. Он станет единственным, через кого купцы и местные говорят друг с другом. И останется единственным, кому здесь никто не верит.

© Казанцев Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НИ ЗВУКА. Глава 1. Четыре слова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Геннадий Казанцев

Чужими словами

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НИ ЗВУКА. Глава 1. Четыре слова

К четвёртому часу в переговорной кончился воздух.

Кондиционер работал — Илья слышал его всё это время, ровный низкий гул под самым потолком, — но дул он в угол, где сидел молодой снабженец, и снабженец уже дважды поворачивал лопатки решётки в сторону, и оба раза кто-то поворачивал их обратно. Остальные сидели в тепле. На столе стояли одиннадцать стаканчиков-тюльпанов, из них семь пустых, и с подносом никто не входил уже сорок минут: чайщик ушёл, звать его было некому, и все понимали, что чай тут больше ничего не изменит.

Илья сидел не за столом. Он сидел на приставном стуле, чуть позади и левее Гурина, — так, чтобы видеть лица напротив и говорить Гурина в ухо, не поворачивая головы. За четырнадцать лет он выучил это место в любой комнате мира: не за столом, но и не у стены. Стороны сидят. Переводчик сидит между.

Перед ним лежал блокнот на пружине, раскрытый посередине. Слов в блокноте не было. Были значки: стрелка вниз — «снизить», кружок — «партия», косой крестик — «брак», буква «Т» с двумя чёрточками — «условия платежа». Ещё десятка два своих, придуманных когда-то на ходу и с тех пор не менявшихся. Слова он не записывал никогда. Слова надо держать в голове ровно столько, сколько человек говорит, и ни секундой дольше, иначе они начинают жить своей жизнью и портиться.

Третий день обсуждали одно и то же, и обсуждать было, в общем, нечего.

Российский завод поставил на этот завод под Кайсери арматуру высокого давления для реконструкции котельной: запорную арматуру, отсечные клапаны, регулирующий узел с электроприводами. Отгрузил в срок, четырьмя двадцатифутовыми контейнерами. Контейнеры пришли в Мерсин четырнадцатого марта.

И встали.

Потому что принимать их было некуда. У турок сорвалась площадка: подрядчика по обвязке выгнали в феврале — не сошлись по деньгам, — а нового взяли только в конце апреля. Всё это время четыре контейнера стояли в порту, и на них капало: бесплатные дни кончились на десятый, дальше пошло хранение, а сверх хранения — демередж, то есть плата линии за то, что её собственные контейнеры стоят у чужого груза вместо того, чтобы ездить. На утро пятницы набежало девятнадцать тысяч триста долларов.

Счёт линия выставила не туркам. Линия выставила его российской стороне — потому что фрахт по контракту оплачивал поставщик, и договор перевозки был его.

Гурин третий день говорил одно и то же, и говорил справедливо: условие поставки — СРТ Мерсин, то есть перевозку до порта оплачивает продавец, а всё, что происходит с грузом после прихода, — забота покупателя. Груз пришёл вовремя. Не приняли его не мы. Счёт мы перевыставим вам.

Февзи-бей, главный инженер, третий день отвечал, что завод простой не заказывал, что подрядчика выгнали за дело и что счёт всё-таки на бланке российской стороны.

Это была патовая часть, и она была скучная. Настоящее лежало ниже.

Ниже лежал аккредитив.

Товар был уже отгружен, а денег за него не было. Турецкий банк, открывший аккредитив, нашёл в комплекте документов расхождение — мелкое, бумажное: в коносаменте порт назначения был написан не так, как в самом аккредитиве. При расхождении банк не платит

сам; он спрашивает своего клиента, то есть покупателя: снимаете? Покупатель может снять расхождение одним письмом за десять минут.

А может не снимать.

Аккредитив истекал тридцатого апреля. После этого документы становились просто пачкой бумаги, деньги за уже отгруженный товар зависали, и российскому заводу оставалось идти в суд — года на полтора, в чужой юрисдикции, за груз, который к тому времени уже будет работать в турецкой котельной.

Об этом за три дня никто не сказал ни слова вслух. Все трое суток говорили про деме-редж.

И ещё турки просили — вежливо, как бы попутно — прислать заводского сервисного инженера на две недели за счёт поставщика: настроить электроприводы и регулирующий узел.

Илья, переводя это в первый раз, отметил про себя, что просьба не техническая. Арматуру монтируют местные монтажники, и монтируют без всякого завода-изготовителя, тут нечему учить. Приводы, положим, настроить надо — концевые выключатели, момент, сигнал. Но два человека из Кайсери сделают это за три дня, и Февзи-бей это знает лучше всех в комнате. Значит, просят не человека. Просят уступку в человеческом обличье, чтобы она не выглядела как деньги.

Он это отметил и промолчал. Разбирать чужие ходы — не его работа.

Февзи-бею было под шестьдесят, у него были тяжёлые плечи и очень чистые руки, и перед ним лежала папка, которую он за три дня не открыл ни разу. Илья заметил это ещё в среду и с тех пор смотрел не столько на Февзи-бея, сколько на папку. Человек, который приносит папку и не открывает её, всё для себя решил заранее. Папка лежит для порядка.

Из турецкой стороны говорил в основном коммерческий, Онур, лет тридцати, в очках без оправы, с манерой начинать любую фразу со слова «естественно».

Илья держал обоих в восьми секундах позади. Это была его рабочая дистанция: он отпускал говорящего вперёд на две-три фразы и шёл следом, укладывая сказанное в русский, — и всё это время у него в голове стояла живая, ещё не остывшая турецкая речь, которую нельзя было ни ускорить, ни отложить.

Он никогда не говорил «я» от себя. «Я» в его устах принадлежало не ему. Когда Февзи-бей говорил «я не могу», Илья говорил Гурину «я не могу», и Гурин слышал Февзи-бея, а не Илью, и так было правильно, и так его учили, и так он делал четырнадцать лет.

Переводчик — не сторона. Это первое, что говорят на первом курсе, и это единственное, что оказывается правдой на практике.

* * *

В среду, в первый день, Гурин перед началом сказал ему в коридоре:

— Илья. Если они между собой чего говорят — ты мне говори. Хоть шёпотом, хоть что.

Просьба была обычная. Так просят все. Илья кивнул, и за три дня передал два раза: один раз Онур сказал Февзи-бею, что срок по котлу поджигает, второй раз — что по хранению можно попробовать выбить у порта скидку. Оба раза мелочь, оба раза он перевёл.

* * *

В четверть шестого Онур сказал «естественно» в четвёртый раз за десять минут, и Илья понял, что сейчас всё кончится.

Он понял это не по словам. Он понял по Февзи-бею. Тот перестал слушать Онура — не отвернулся, не поморщился, просто выключился, как выключается человек, которому уже незачем слушать. Потом положил обе ладони на стол, по обе стороны от закрытой папки.

Илья подобрался. У него всегда за секунду до чужой важной фразы делалось сухо в горле — до сих пор, после стольких лет.

Февзи-бей сказал негромко и ровно:

— Bu şartlarda devam edemeyiz.

Илья перевёл сразу, слово в слово:

— На этих условиях мы продолжать не можем.

Гурин откинулся на спинку и посмотрел в потолок. Это означало, что он сейчас скажет что-нибудь, о чём потом пожалеет.

А Февзи-бей в это время повернул голову к Онуру — на пол-оборота, вбок — и сказал ему несколько слов вполголоса.

Сказал не таясь. Таиться было не от кого и незачем: за столом сидел человек, который понимал по-турецки всё, и Февзи-бей знал это лучше всех в комнате, потому что три дня слушал, как этот человек работает.

Просто к третьему дню переводчик перестаёт быть человеком.

Это происходит всегда и со всеми, и Илья знал про своё ремесло эту вещь с первого года. Сначала на тебя смотрят. Потом привыкают. Потом перестают замечать, и ты делаешься частью помещения — как проектор под потолком или графин на столе: предмет, из которого идёт звук. При тебе сморкаются, ругают жену, называют партнёра сволочью и вслух прикидывают, сколько ещё можно накинута. Не потому, что люди глупы. Потому, что мебель не слушает.

И ещё в эту самую секунду заговорил Гурин — громко, с середины фразы. Слова Февзи-бея прошли под ним, вполголоса, скороговоркой, как говорят своим: без окончаний, глотая середину.

Илья их поймал.

— Başka tedarikçi yok, biliyorsun.

Последнее слово он, если честно, не столько услышал, сколько достроил: поймал хвост и поставил на место целое. Он делал так по сто раз на дню и ошибался хорошо если раз в месяц.

Четыре слова.

«Другого поставщика нет, ты же знаешь».

И он понял всё сразу, целиком, как понимают в такие секунды: другого поставщика у них действительно нет. За два месяца эту арматуру в Турции взять негде — ни со склада, ни под заказ, а котёл они обязаны пустить летом. Значит, всё, что говорилось три дня, — вода. Значит, они не откажутся. Значит, расхождение по аккредитиву они снимут в любом случае, потому что иначе им не отдадут их же собственный груз из порта, а без груза у них летом не будет котла.

Значит, Гурин может не платить ни доллара.

Гурин, ничего этого не зная, уже открыл рот.

Илья успел подумать за то время, что человек успевает вдохнуть.

Он подумал так: если он сейчас скажет Гурину эти четыре слова, Гурин упрётся намертво. Он будет прав. Он выиграет весь простой, все девятнадцать триста, да ещё и инженера туркам не даст. И через сорок минут Февзи-бей встанет и уйдёт, потому что человеку, которого при нём же поймали на слабости, деваться некуда, кроме как уйти. Потом он вернётся — куда он денется, — снимет расхождение, заплатит, поставит котёл. И запомнит. И следующий тендер, через год, отдаст китайцам, и объяснит начальству, почему это правильно, и объяснит убедительно.

А если не сказать, Гурин пойдёт на компромисс, потому что он всегда идёт на компромисс, когда думает, что уступать приходится обоим.

Илья не сказал.

Он опустил глаза в блокнот и поставил в нём кружок, которого там не было нужно.

Краем глаза он видел, как Февзи-бей на него посмотрел — коротко, проверяя. И увидел человека, который что-то пишет у себя в бумагах и на разговор не реагирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.